

вень, театрализованных праздников, дней земляков, фестивалей и т. д.

1. Кодэкс Рэспублікі Беларусь аб культуры [Электронны рэсурс] : 20 ліп. 2016 г., № 413-3 : прыняты Палатай прадстаўнікоў 24 чэрв. 2016 г. : адобр. Саветам Рэсп. Беларусь 30 чэрв. 2016 г. // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=12551&p0=Hk1600413>. – Дата доступа: 15.04.2021.

2. Мстиславский районный исполнительный комитет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mstislavl.mogilev-region.by/ru/>. – Дата доступа: 23.04.2021.

3. Наш цэнтр. Наша гісторыя. Наша будучыня : да 80-годдзя стварэння абласных цэнтраў народнай творчасці / Рэсп. цэнтр нац. культур ; склад.: Т. М. Яскевіч, Р. І. Вайцяхоўская. – Мінск : ІВЦ Мінфіна, 2019. – 307 с.

4. Шпарло, С. Л. Историко-культурное наследие как объект культурно-просветительской деятельности (на примере Мстиславского района) / С. Л. Шпарло // Культура Беларуси: реалии современности : VIII Международ. науч.-практ. конф., посвящ. Году малой родины в Респ. Беларусь, 10 окт. 2019 г. : сб. науч. ст. / М-во культуры Респ. Беларусь, Белорус. гос. ун-т культуры и искусств ; редкол.: А. А. Корбут (пред.) [и др.]. – Минск, 2019. – С. 587–593.

В. Р. Языкович,

кандидат философских наук, доцент,

заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин

Белорусского государственного университета культуры и искусств

РЕЛИГИОЗНЫЕ МОТИВЫ В ЛИТЕРАТУРНОМ ТВОРЧЕСТВЕ

Важная роль религии в организации духовной жизни человека заключается в трансценденции, преодолении повседневности, выходе за пределы обычного опыта, следовании особого типа идеалу. В качестве центрального аспекта религии специалистами выделяется сакральное – существа, предметы, явления, которые выступают как носители особых свойств, связующие человека с высшей реальностью [3; 6]. Переживание встречи с сакральным рассматривается классиками феноменологии религии как ключевой аспект религиозного опыта [8]. Особенно-

стью религиозного идеала является окутывающая его атмосфера таинственности, непостижимости, несравнимости с земной реальностью. Вместе с тем в традициях катафатического богословия религиозный идеал описывается с помощью указания на такие свойства, как добро, сила, могущество, знание и иные, взятые в высшей степени проявления.

На всем протяжении истории культуры религия и искусство находятся в сложной системе взаимосвязей. Как правило, религиозная и художественная традиции активно взаимодействуют и обогащают друг друга. Основой соединения искусства и религии является их ценностная природа. И произведение искусства, и религиозное переживание приобщают к совершенству, формируют представление об идеале, устремляют человека к абсолютной, высшей ценности, способствуют становлению смысложизненных основ мировосприятия и миропонимания.

Безусловно, формирование и продуцирование религиозных идеалов происходит в определенном конфессиональном контексте под влиянием базовых религиозно-теологических традиций. По мнению Е. А. Торчинова, алгоритмы религиозного опыта в рамках конкретной традиции выступают как эталонные, идеальные формы, придают направленность духовной жизни ее носителей [7]. Приведем несколько примеров конфессиональной трактовки христианских идеалов в творчестве выдающихся писателей XX в.

В произведениях и образах выдающегося русского писателя Ивана Сергеевича Шмелева ярко проявляется такая черта православного духовного идеала, как аскетическая отрешенность и сосредоточенность. Героев И. С. Шмелева отличает способность к восприятию умной красоты, совершенства и гармоничности творения. Особенно тонко и впечатляюще писатель передает характерные черты православного мировосприятия, создавая детские образы, в основу которых положены личные впечатления и воспоминания. В литературных циклах «Богомолье» и «Лето Господне» писатель повествует о полном тайны, трепета и восторга приобщении к великим святыням, чудесном вхождении в мир сакрального.

Ярким представителем связанной с протестантской ментальностью литературно-художественной традиции, в которой

особое значение получила проблематика поиска истинных ценностей, пути к Богу, высшей истине, безусловно, является замечательный шведский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе (1951) Пер Лагерквист. В его творчестве воплотились черты национального менталитета, сформировавшиеся под влиянием религиозно-нравственных императивов лютеранства. Сложный духовный путь писателя, религиозность семьи, в которой он вырос, фундаментальные знания в области истории религий существенно повлияли на его творчество. Можно предположить, что писатель был знаком с религиозно-научными исследованиями первой половины XX в., работами Н. Зедерблома и других авторов. Духовной основой творчества П. Лагерквиста является понимание религиозного как формы предельной устремленности человека, высшей ценности, которую невозможно достичь, но которая является важной мотивацией жизни его героев. Мир идеала, высшего и совершенного, должен существовать, без него человеческая жизнь невозможна. Но он существует только в духовном измерении как мечта и устремленность, надежда и вера человека.

Для центральных образов произведений П. Лагерквиста характерно чувство беспокойства, неудовлетворенности обычным течением жизни, мотив странничества, поиска высших ценностей, контактов с сакральным, встреча с которым может стать как благостной, так и обернуться разрушительными последствиями. К ключевым персонажам писателя, переживающим такие встречи, относится мятущийся разбойник Варавва из одноименной повести, которому явно не по пути с первыми христианами, но он постоянно ощущает связь с распятым, и узлы эти разорвать невозможно. От рождения окружающая мрачная и преступная атмосфера определили жизненный удел Вараввы. Он по-своему, путем разрушения и гибели, как ему кажется, следует за Иисусом [4].

В полном трагизма образе Агасфера ярко воплотились богоборческие мотивы в творчестве П. Лагерквиста. Обреченный за свое жестокосердие на вечные скитания, Агасфер неразрывно связан с Иисусом, который на протяжении огромного времени не отпускает его из земной жизни. Лишь когда герой возвращается к полноценным человеческим чувствам, восстанавливает эмоциональные отношения с окружающими, спаситель в

образе скромного монаха-служки с любовью провожает его из земной юдоли. В образе наемника Товия писатель показывает возрождающую силу сострадания – духовного оружия, которое пронзает и преображает самые закоренелые и преступные души. Чувство сострадания круто изменяет жизнь Товия. Он достигает святой земли – неповторимой личной реальности, к которой стремился всегда. Венчает ряд богоборческих мотивов образ священника-растриги Джованни, который поклоняется первобытной морской стихии, источнику всякой жизни, порождающей и поглощающей все, в том числе наивное противоборство добра и зла [5].

Одним из ярких представителей католического направления в литературе XX в., безусловно, является французский писатель Жорж Бернанос, в творчестве которого выражены важные интенции католической духовности. В центральном образе молодого священнослужителя из повести «Дневник сельского священника» писатель передает ментальные черты, свойственные католическим священнослужителям. Напряженность духовной жизни, эмоциональность, чувствительность, визионерство, глубокая отрешенность от буднично-приземленного и одновременно сострадательное отношение к людям и активное пастырство, переживание и преодоление кризисных состояний души и тела – эти черты католической духовности переданы писателем в живой, правдивой манере, убедительно и глубоко прописаны в ткани повествования. Образ молодого священника, как и других персонажей, глубоко впечатляет, приоткрывает многие важные аспекты ментальности католиков [1].

В цикле католических произведений Грэма Грина (романы «Сила и слава», «Суть дела», «Ценой потери», повесть «Монсиньор Кихот») созданы образы католических священнослужителей и мирян, которые убеждают своей достоверностью, жизненной силой. В этих произведениях писатель, который нередко воспринимается только как автор остросюжетных книг, показывает себя тонким знатоком католической традиции, психологом и стилистом. Образ «пьющего падре» из романа «Сила и слава» привлекает самоотверженностью, стойкостью в испытаниях, жертвенностью и духовной силой в противостоянии злу и насилию. Герой романа «Суть дела», католик-мирянин, живет и умирает, проявляя христианские качества

сострадательной любви, нравственной силы, честности и укорененности в духовных основах своей традиции. Противоречие между долгом и любовью трагически разрешается в судьбе главного персонажа. В его жизни любовь и сострадание перевешивают смертный грех самоубийства [2].

Таким образом, своеобразие религиозного идеала определяется самими особенностями религии как формы духовной культуры. Его формирование с необходимостью происходит в контексте конфессиональных традиций. Стремление мастеров литературы воплотить религиозные идеалы в произведениях и образах порождает замечательные примеры синтеза религиозных и художественных ценностей, помогает глубже понять и оценить духовные аспекты различных направлений христианства.

1. Бернанос, Ж. Под солнцем Сатаны ; Дневник сельского священника ; Новая история Мушкетты : пер. с фр. / Ж. Бернанос. – М. : Худож. лит., 1978. – 623 с. – (Зарубежный роман XX в.).

2. Грин, Г. Собрание сочинений : в 6 т. ; пер. с англ. / Г. Грин. – М. : Худож. лит., 1992–1996. – Т. 2 : Сила и слава ; Суть дела ; Конец одной любовной связи : романы. – 1993. – 607 с.

3. Забияко, А. П. Категория святости. Сравнительное исследование лингворелигиозных традиций / А. П. Забияко. – М. : Моск. учебник, 1998. – 205 с.

4. Лагерквист, П. Варавва / П. Лагерквист. – АСТ, 2011. – 448 с.

5. Лагерквист, П. Смерть Агасфера / П. Лагерквист // Сочинения : в 2 т. / П. Лагерквист. – Т. 2 : Повести и романы : 1940–1967. – Харьков, 1997. – 541 с.

6. Пылаев, М. Категория «священное» в феноменологии религии, теологии и философии XX века / М. Пылаев. – М. : РГГУ, 2011. – 216 с.

7. Торчинов, Е. А. Религии мира: Опыт запредельного : Психотехника и трансперсональные состояния / Е. А. Торчинов. – СПб. : Центр «Петербург. востоковедение», 1997. – 384 с. – (Orientalia).

8. Элиаде, М. Священное и мирское / М. Элиаде. – М. : Изд-во МГУ, 1994. – 144 с.